

Свое 82-летие житель удмуртского села Вавож Виктор Петрович Винокуров встречает в тяжелых раздумьях: идти ему в студенты или как-нибудь обойтись без вузовского диплома. Недавно деканат музыкального факультета Глазовского педагогического института предложил ему подать заявление сразу на третий курс, и он уже согласился, но жена с дочерью что-то против его учебы настроились. И вот декан ждет окончательного ответа, а Виктор Петрович никак не может решиться. Ну что ж, дело серьезное, видимо, надо ему еще с внуками посоветоваться, да и с правнуками тоже. Один из его правнуков, Роман, уже в седьмом классе — способен, наверное, подсказать правду что-то дельное...

Понятно, примут абитуриента Винокурова вне конкурса как медалиста — медалей и орденов у него двадцать с лишним. На кителе с майорскими погонами рядом с советскими боевыми наградами несколько польских: орден Грюнвальда, орден Возрождения, два Серебряных Креста Заслуги... Хорошо в таком кителе прийти на экзамен по истории. Прийти и проверить, силен ли экзаменатор в своем предмете?

Виктор Петрович спросил в деканате, надо ли ему снять копии с имеющихся документов об образовании. Сказали, что не надо — и так его в республике хорошо знают. Ну не надо так не надо, а то он мог бы извлечь на свет свои дипломы, полученные 60 лет назад, — педагогического и вечернего музыкального техникумов, двухгодичного учительского института. Если этого кому-то показалось бы недостаточно, седоусый абитуриент предъявил бы еще парочку документов, которыми предусмотрительно обзавелся где-то между первой и второй мировыми войнами: об окончании полковой школы связи и вышших кавалерийских курсов.

К своим заявлениям абитуриенты, кажется, прилагают автобиографии. Ну какие биографии у большинства поступающих? Родился, съел тарелку манной каши, пошел в школу. Выучил таблицу умножения, написал сочинение, получил аттестат. Вот и все. То ли дело — биография абитуриента Винокурова. Война, ГУЛАГ, 40 лет работы в удмуртской провинции... На этой основе как минимум роман-трилогию надо писать.

Войну Виктор Петрович, уроженец казачьей станицы Константиновская, встретил в кавалерийском полку. Уже в первом бою был ранен, потом было еще одно ранение и, наконец, третья, уже тяжелая, осколочная. У него и сейчас кусочек железа сидит возле седьмого позвонка. Осколок, как счи-

т на Берлина. Есть у него фотография, где он в мундире польского офицера и с красивой черной бородой — молоденькие пани, надо полагать, в обморок падали.

Память у Виктора Петровича, как у компьютера. Фамилии, даты, названия населенных пунктов, клички лошадей — ничего не забыл. С немислимыми через 50 лет подробностями рассказывает о Варшавском восстании, о том, как висели над восставшими «юнkersы», как по-

а Гельмут Шмидт, впоследствии канцлер ФРГ: расчехостили мы их, 500 с чем-то человек у них было и шесть «фердинандов», у которых горючее и снаряды кончились.

После окончания войны Виктор Петрович прослужил еще пару лет в Польше, был начальником штаба внутренних войск Познанского воеводства, а потом получил назначение на Родину, где его, как оказалось, с нетерпением ждали.

— Явились за мной на кварти-

справки о реабилитации, полученной лишь в 1965 году. Оно и понятно: как забудешь, например, восемь месяцев следствия на Лубянке и во внутренней тюрьме МГБ в Тбилиси? И били его, и голодом морили, и заставляли подписать какую-то сложную вдвое бумагу. В конце концов предъявили решение особого совещания МГБ СССР: 10 лет исправительно-трудовых лагерей за изменнические настроения. Страна, как помните, заботилась о настроениях своих граждан.

ный и недавний заключенный стал заведующим клубом. Ничего удивительного: он и до войны в армии оркестром руководил, и на фронте музыку не бросал, и даже в пересыльных пунктах ГУЛАГа концерты организовывал. Виктор Петрович играет на скрипке, на домре, на фортепиано, хотя когда-то сильно травмировал ему руку палкой рьяный следователь МГБ. Он написал несколько вальсов, маршей, полек и романсов. Последний вальс посвятил женщине года, которой в Удмуртии признали здешнего министра культуры Анетту Сидорову. При вдохновении пишет стихи и поэмы. Одну из них, давшиную, написанную по случаю взятия в плен летчика-шпиона Пауэрса, Виктор Петрович читал мне наизусть. Ничего, легко запоминается:

*Подоспел приказ Хрущева,
было в нем
всего три слова —
и зарвавшийся бандит
был одной ракетой сбит.*

И правда жизни вроде не нарушена, за исключением разве того, что словоохотливый Никита Сергеевич едва ли уместил бы свой приказ в три слова.

После Виктор Петрович считал семь пересыльных тюрем, причём в бакинском тюремном он слушал шум Каспийского моря, сидя в камере номер четыре — в той, где до революции сидел сам Сталин. «Вы счастличик», — сказал ему по такому поводу сентиментальный надзиратель.

Путешествие Винокурова по сталинским местам завершилось близ Воркуты, где вождь и учитель тоже когда-то побывал в ссылке. Обитатели РЕЧЛАГа носили на рукаве букву «Р» и энергично добывали для страны уголь. У Виктора Петровича, толкавшего вагонетку на глубине 80 метров, здесь была хорошая компания: прославленный летчик, дважды Герой Советского Союза Широков, автор известных учебников по химии профессор Стадников, еще какие-то знаменитые люди, которых можно было узнать в лицо (если, конечно, смыть с лица угольную пыль).

В лагерной жизни Винокуров повидал все, о чем мы знаем благодаря Солженицыну: и карцер с наручниками, и побои, и расстрел с вышек отказавшихся выйти на работу эзков. К моменту условно-досрочного освобождения в 1955 году у него уже сильно недоставало зубов: мало цинги, так еще были по оставшимся.

Освободившись, Виктор Петрович тут же, можно сказать, потерял свободу: по счастливой случайности встретил в Воркуте свою будущую жену Анну Михайловну, приехавшую сюда по какому-то делу. Вместе они поехали к ней на родину, в неведомую ему Удмуртию. Там, в селе Водзимонье, бывший воен-

спросил он меня к концу беседы, — надо ли мне в институте учиться?

— А вы как считаете, — спросил он меня к концу беседы, — надо ли мне в институте учиться?

— А вы как считаете, — спросил он меня к концу беседы, — надо ли мне в институте учиться?

Тогда я от прямого совета уклонился, а сейчас думаю: а почему тогда ему не рискнуть? Переиначивая Суворова, тяжело в ученье — легко на каникулах.

УДМУРТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.

Фото
Анатолия ШИРОКИХ.

КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ В 82 ГОДА

тают врачи, закапсулировался и вроде даже дрова рубить не мешает.

До 1944 года Винокуров воевал в Красной Армии, потом был направлен в польскую. Ее противотанковый артиллерийский полк при участии Виктора Петровича формировался в Рязанской области. С польскими товарищами по оружию дошел

гibili седьмой и девятый полки Первой Польской армии, пытавшиеся на плотах форсировать Вислу, чтобы прийти на помощь столице.

С важной гордостью вспоминает отставной майор о том, как он, будучи комендантом небольшого городка, разгромил два батальона противника, которые вел в атаку не кто-нибудь,

ру в Москве, где я временно остановился, и говорят: поедемте с нами на Лубянку. Неделю, ничего не понимая, просидел на Лубянке в форме и в погонах, а потом мне предъявили ордер на арест...

Все, что связано с ГУЛАГом, Винокуров тоже надежно сохранил в памяти: от нелепой формулировки обвинения до текста